

WORLD CLASSICS BOOKS

МИХАИЛ
АРЦЫБАШЕВ

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А88

Арцыбашев, М.П.

А88 У последней черты / М.П. Арцыбашев. — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 688 с. —
(World Classics Books).

ISBN 978-5-521-76704-5

История развития литературы — понятие куда более обширное, чем можно предположить, и куда более сложное, чем может вообразить студент-первокурсник филологического факультета. Неизменно всякий выбор «лучших книг» и «обязательных к прочтению» писателей сопровождается беспощадным отсечением жемчужин мысли от одобренной нормы и «золотого стандарта». За бортом остается множество гениев, признанных и непризнанных, и шедевров мировой литературы. Книги серии «World Classics Books» — попытка расширить устоявшееся в умах понятие классических книг и обязательных для образованного человека авторов, предложив читателю произведения, о которых он либо совсем не слышал, либо знаком очень издавна. Однако представленные в серии труды — в некотором роде веховые этапы на сложном пути развития мировой литературы, без которых трудно составить представления о различных жанрах, литературных школах и целых эпохах развития мировой культуры.

На обложке представлена репродукция картины Мартина Джонсон Хеда «Закат», 1880, Детройтский институт искусств, Детройт, США.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-76704-5

© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

Содержание

Часть первая.....	5
Часть вторая.....	357

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Маленький городок был расположен в степи, и тому, кто, выйдя за околицу, вглядывался в марево дальних полей, в призраки отдаленных лесов, ползущих по горизонту, и в высокое бесстрастное небо, становилось ясно, что ничтожность кучки людей, живущих, страдающих и умирающих на земле, не красивая трагическая фраза, а простая и даже скудная правда.

Летом горячее солнце стояло над степью, зимой она одевалась холодным белым саваном, в жаркие ночи над нею вставали горы туч, и гром торжествующе прокатывался из конца в конец черного простора, но всегда она была одинаково уныла, загадочна и чужда человеку.

Когда подымался ветер, в степи вставала мелкая сухая пыль и мертвым полчищем серых призраков неустанно шла на город. Она бесшумно садилась на крыши и окна домов, ложилась на стоячие воды реки, покрывала весь город мягким безвольным налетом, и тогда он казался таким же старым и ветхим, как мир. Все было

в нем однообразно и убою, как кучка праха, не развеянного ветром.

Именно в таком сером городишке прежде, чем среди зеленых деревьев, розовых гор, синих морей и великолепных зданий, могла зародиться мысль, впоследствии вышедшая в мир и пронесшаяся по лицу земли, как бледный зловещий призрак смерти.

Скала, брошенная в море, исчезает бесследно, но маленький камешек на поверхности стоячего пруда далеко разгоняет неизбежные круги. И то, что каждый день незаметно свершается в грохоте большой жизни, здесь до дна всколыхнуло души и поколебало многие умы.

Позже искали и нашли причину в лице некоего Наумова, нового инженера на заводе местного богача Арбузова. Возможно, тень этого сумрачного человека легла на жизнь, и, действительно, в развитии событий, в их ускорении он играл большую роль. Но, глядя вокруг открытыми глазами, нельзя не видеть, что никакая человеческая воля не может ни на йоту прибавить, ни на йоту убавить того, что есть в жизни, что развивается из корня, вросшего в самую глубину земли, и что раньше или позже, так или иначе, должно привести к неизбежному концу.

В тишине обыденной жизни, в кропотливой суете вековых укладов давно уже зрела эта странная и страшная катастрофа, но еще за три-четыре месяца до нее все казалось так обычно, и никто не сказал бы, что вокруг происходит иное, чем то, что было вчера. Городок изнывал от жары, тихо, мертво и скучно шла обычная жизнь.

Безнадежно и озлобленно скучал и маленький студент Чиж, торопливо бежавший с одного урока на другой.

Старый белый картуз с выцветшим синим околышем по самые уши сидел на его остром черепе, под которым неустанно суетились мысли. Вот уже два года, как, высланный из большого города, он застрял в этом городишке, без всякой надежды когда-нибудь выбраться, и потому ненавидел его всеми силами души, до тоски, до боли. Где-то, рассыпая миллионы искр, стоя и грохоча в муках и восторгах, куется великая боевая, человеческая жизнь, а здесь, точно от начала веков, никто не слышал громкого слова, не видел открытого живого лица. Не то они спят, не то притаились, не то и не живут вовсе, а так, просто копошатся, словно кучка червей, брошенная в пыль у края дороги.

Солнце стояло прямо над городом, и воздух дрожал от жары, струясь вдоль заборов зыбкой угарной дымкой. Жалкие скелеты акаций на пустынном бульваре беспомощно свесили свои костлявые ветки, и под ними, чуть живая, лежала их убогая высохшая тень. Почти все окна были закрыты от солнца ставнями, и чувствовалось, как томительно задыхаются за ними от зноя и скуки потные, вялые, не думающие, не чувствующие люди. Все как будто вымерло, и даже воробьи не чирикали. Чиж, обливаясь потом, бежал по бульвару и ругался:

— Черти зеленые!.. Надо же было выстроить город в таком проклятом месте... Другого угла не нашли, поду-

маешь!.. Кто их тащил сюда?.. Ведь есть же на свете и леса, и реки... так нет же, точно назло... Идиоты несчастные!

Злоба душила его, и хуже всего было то, что злоба была беспредметна. Чиж лучше кого-нибудь другого понимал сложную сеть необходимости, которая тащит человека и не в такую пустыню. Если бы его спросили, Чиж, не задумываясь, ответил бы, что и не в этом дело, что человек может жить везде, оставаясь человеком в самом широком и богатом смысле этого слова. Но что-то давило его, становясь между ним и солнцем, вместо будущего показывало какую-то серую пустоту и вызывало в нем постоянную нервную злость, источавшую яд на все окружающее.

С другого конца бульвара навстречу Чижу шел человек в форменной фуражке. До того пусто и мертво было кругом, что даже неприятным казалось живое человеческое лицо среди пустой обширной базарной площади, на которой неподвижно стояли красные кирпичные лавки и белые, точно добела раскаленные солнцем церкви с огромными замками на тяжелых, словно навеки закрытых железных дверях.

Несмотря на близорукость, Чиж еще издали узнал знакомого казначейского чиновника Рыкова. Рыков шел медленно, как будто совершенно беззаботно и даже легкомысленно помахивая палочкой. Чиж поравнялся, равнодушно взглянул на желтое длинное лицо с лошадиными зубами и маленькими бесцветными глазками, при-

поднял картуз и побежал дальше. Рысков, помахивая палочкой, пошел в одну сторону, а Чиж еще больше заторопился в другую. Им нечего было сказать друг другу.

Если бы маленький студент внимательнее взгляделся бы в лицо Рыскова, он поразился бы его выражению: маленькие тусклые глазки казначейского чиновника смотрели неподвижно, но в них застыла напряженная, окаменевшая мысль. И размеренное движение его длинных ног, и неподвижность приподнятого лица были мертвы и жутки, как у автомата. Казалось, он идет и вечно будет идти, как заведенная машина, пока чужая воля не остановит его и не уберет с дороги, как никому не нужную, глупую заводную игрушку.

Но Чижу все надоело в этом проклятом городе. Ему казалось, что ничего здесь не может быть, кроме самой мирной обывательской пошлости. Притом он искренне презирал Рыскова, как презирал всех людей, живущих вне круга его убеждений. Лицо казначейского чиновника только вызвало у него новый прилив скучающей злости.

«Ведь вот, живет тоже!.. — с машинальным раздражением подумал Чиж, вытирая пот с побледневшего лба. — И поди, подумаешь, что великое дело делает!.. Целый день в поту, с мухами, пишет черт его знает что, сгибается перед казначеем, уважает старшего бухгалтера... Потом гуляет по бульвару с девицами, пока не ошастливит одну из них и не родит полдюжины новых казначейских чиновников и даже — о, счастье! — одного

старшего бухгалтера... А кой ему черт этот старший бухгалтер?.. И как он не удавится, черт его знает...»

Чижу казалось, что он не выжил бы и трех дней такой жизни.

А озлобленные мысли стремительно бежали дальше, и сам Чиж почти не замечал их: «Хоть бы что-нибудь!.. Хоть бы землетрясение, что ли!.. Ведь бывают же где-то землетрясения... Говорят, катастрофа... кой черт! Не катастрофа, а благодать: дома валяются, земля колышется, женщины бегут нагишом, все забывают о том, кто они и почему и в каких смыслах... Тут тебе и самопожертвования, и грабеж... там кого-то спасли, там кого-то под шумок изнасиловали... весело!.. Я землетрясению рад был бы, а не то, что бы там... Катастрофа! А это не катастрофа, что миллионы людей впадают в состояние трупов?.. Тьфу!»

Чиж даже плюнул от злости и неожиданно остановился.

«Рано еще к купеческим чадам... Зайти к Давиденко, что ли?»

И еще не решив, стоит ли, Чиж машинально свернул в переулок, отворил калитку и вошел в большой, заросший пыльной травой двор.

И сразу стало ему так скучно, точно перед этим было ужасно весело. Он даже хотел повернуть обратно, но так бывало каждый день, и, как всегда, Чиж тоскливо махнул рукой и по протоптанной в траве дорожке с брезгливым видом пошел к голубому облупленному флигельку,